

Надежда Воронова

Ты приезжай...

Санкт-Петербург
2016

Надежда Воронова
Ты приезжай...

«Нордмедиздат»

2016

Воронова Н.

Ты приезжай... / Н. Воронова — «Нордмедиздат», 2016

В сборник очерков «Ты приезжай...» петербургской поэтессы Надежды Вороновой включены путевые заметки о близких и дальних путешествиях автора. Представленные произведения ранее были опубликованы на страницах благотворительной газеты «Русский Инвалид».

© Воронова Н., 2016

© Нордмедиздат, 2016

Содержание

Для души устройю праздник	6
А Вы бывали в Приозерске?	11
"Малые Кижы"	15
Скит Андрея Первозванного	17
Попутчицы	19
Яблочная осень	23
Видение	25
Накануне Крещения	27
О Турковых	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Надежда Воронова Ты приезжай...

«Ты приезжай», – приглашают меня к себе не только родственники и знакомые. Но, кажется, и те места, где я никогда не бывала. Это посёлки, города, монастыри, скиты.

Как будто бы и те и другие обещают мне рассказать самое сокровенное о себе.

Только сумей услышать, вникнуть в суть сказанного и происходящего. И тогда, возможно, прознаешь секрет мудрости бытия.

Моя первая книжка прозы «Предназначенная поездка» вышла в 2007 г. Вторая – «Спасительный ковчег» (2012 г.) – полностью посвящена поездкам в женский монастырь, что расположен в Томской области. Книжка включает в себя не только прозу, но и стихи.

В сборник «Ты приезжай...» включены путевые заметки о ближних и дальних путешествиях: по России, в Чехию, а также и в Финляндию. Приглашаю читателей, посетить вместе со мной места, знакомые или до сих пор неведомые им!

Надежда Воронова

Для души устрою праздник

В унылый период самых коротких и серых дней праздник крайне необходим! Новый год, как повод рассветить этот унылый период. В большом городе он особенно впечатляет ночью: мигает, искрится, переливается всевозможными красками – елки, рекламы, праздничные украшения на фонарных столбах, подцветка памятников и зданий, даже светофоры, – всё вызывает к радости. Люди, опьяненные предвкушением праздника суетятся, снуют, по магазинам шастают, обсуждают варианты ночного веселья с обязательно изысканным застольем. Раньше приходилось потратить немало времени и усилий, чтобы достать какой-нибудь деликатес к праздничному столу, исхитриться найти своеобразный подарок. Правда, от этого праздник становился только желаннее. Нынче в магазинах есть все, на любой вкус и кошелек. А в небольших коллективах как и раньше накануне праздника прямо на работе устраивают вечеринки, удивительным образом сочетая элементарную пьянку с забавами детского утренника: с речами и танцами с подарками и с дедом Морозом, приглашенном или «взращенном» в родном коллективе.

Новый год праздник родом из детства! Моя ностальгия по детству услужливо показывает свои картинки: вот мама вносит в нашу комнату живую елку – на запахе хвои настояно предвкушение праздника. Потом мы вместе елку устанавливаем в ведре с песком, и вот самое торжественное действо – украшение колкой красавицы игрушками, в основном, самодельными, а также конфетами и орехами. А вот Дом культуры – огромная елка в фойе, дед Мороз, Снегурочка, спектакль, хороводы, маски, конкурсы, розыгрыши призов, и подарки: в хрустящем целлофановом пакете конфеты, вафли, шоколадки, и... мандарины! Для моего поколения мандарины навсегда останутся признаком Нового года!

Новый год праздник семейный – повод собраться родственникам, постоянно занятых своими делами. Раньше и мы с родственниками собирались на праздник, то у одних то у других. И хотя особых развлечений и никаких сценариев не было, но ощущение праздника было! В праздничном меню – традиционный винегрет, студень. И все между собой находили общий язык, и песни были общими. Почему же сейчас нам достаточно дежурных телефонных звонков? Постарели?! С семьей сына предпочитаю встречаться днём. Они молоды, у них своя компания, свои интересы, свои развлечения. Я рада за них, но, пожалуй, ни один из моментов их веселья меня нынче не устроит: громкие возгласы и барабанящая музыка, да еще и ночью, моя психика уже не приемлет. Пока ещё бываю у своих в день рождения внучки, порадоваться ее успехам, счастливой поре ее детства, получить свою долю внимания с ее стороны. Внимание, как известно, зачастую по сути, является эквивалентом любви. А кому не хочется любви. Может, поэтому именно в новогоднюю ночь обостряется чувство одиночества и всем непременно хочется быть как все или хотя бы выглядеть таковыми в глазах своих знакомых. Всем знакомо ощущение опустошенности, когда исполняется заветное желание, так и предвкушение праздника эмоционально гораздо сильнее, чем сам праздник. Новогодняя ночь пройдет и все вздохнут облегченно – слава Богу, отметили, проводили и встретили. И с надеждой, далеко не всегда оправданной, что завтра будет лучше, покажутся привычные будни. Сколько моих новогодних ночей пролетело, проскочило, проползло. Интересные и скучные, трезвые и пьяные, организованные и спонтанные, со знакомыми и незнакомыми, с любимыми и нелюбимыми, но всегда с кем-нибудь – почти все они замечены сугробами забвения. Теперь, ни с кем не хочу встречать этот праздник! Уже несколько лет новогоднюю ночь провожу в одиночестве, сидя-лежа перед экраном цветного телевизора, лениво перебирая программы... Шампанское, фрукты. И, меня это устраивает, можно сказать, что конформизму предпочитаю комфорт. Но всё-таки что-то беспокоит. Почему пропало ощущение праздника, радости, сказки? Я устала? Устала телом и душой? Для меня как

для поэта усталость рифмуется со старостью. Неужто, старость и на мой порог? С этим я смириться не хочу. Может быть, надо заставить себя хотя бы попытаться устроить праздник для души, а для моей души праздник – это новые поездки и новые впечатления. Может, принять предложение туристов провести новогоднюю ночь в лесу у костра. Почему бы и нет – уговариваю себя – я еще ни разу не бывала в лесу зимней ночью, от станции идти не более трех километров, погоду обещали не морозную. Да и компания для меня привычная: кого-то знаю я, кто-то – меня, будет с кем поговорить, кого послушать, с подругой можно будет обменяться впечатлениями от происходящего, а захочется одной побыть, – тоже не проблема. Решено!

– Оденся потеплей, перекусить что-нибудь возьми, встречаемся на вокзале в восемь", – проинструктировала меня подруга.

Нас, желающих вместе провести новогоднее гулянье, собралось человек тридцать. Почти как всегда и на вокзале, а потом и в теплом вагоне электрички, туристы возбужденно-радостными возгласами и объятиями встречали "своих", шумно занимали места, но в этот раз они долго не утихали – многие активно провожали старый год. В разговорах и в полудреме нам с подругой дорога показалась недолгой. И вот группа, поеживаясь, высыпала на платформу. До чего же неуютно: сыро, в свете фонарей силуэты и тени выглядят неприветливо, только в поселке светится праздничная россыпь огней. Да, умные люди дома сидят, телевизор смотрят. Может быть, и мне домой! Но отступать некогда! Перейдя железнодорожные пути, мы, ночные путники, сразу же окунулись в почти непроглядную тьму, – только угадывалась широкая накатанная дорога, по обеим сторонам которой высились огромные ели. Они-то сразу и разбудили во мне поэта. Казалось, ели удивленные нашим появлением недоумевали, если это гости, пусть и непрошенные, то почему проходят мимо, ведь на наших верхушках уже сверкают звездные гирлянды, а Большая Медведица предлагает испить морозного ликера из своего ковша. Предаться дальнейшему вдохновению мне не удалось. Группа в предвкушении праздника стремительно удалялась в ночь, пришлось и мне ускорить шаг. Впереди заманчиво светились фонари – оазис света в темноте ночи. Деревня?! Несколько современных частных домов по обеим сторонам дороги, почти возле каждого из них автомобиль, вьются дымки из труб, сияют окна, во дворах елки, украшенные мишурой. Что-то не похоже это на настоящую деревню, в моем понимании: вдали от асфальта, машин.

И тут же припомнилось мне, как однажды довелось провести свои зимние каникулы в деревне у бабушки. Ощущение зимней сказки не забывается со временем. И если за окном белый-белый день, когда заснеженные деревья стоят, не шелохнувшись, то я непременно "проваливаюсь" туда, где особо радостно было лепить снеговиков, кататься с высокого склона на лыжах, санках, или без оных. В заскорузлой от снега одежде бежать в избу, у порога скинуть валенки, почти всё снять с себя, и залезть на еще теплую кирпичную спину беленой русской печи. Там в полутьме на ощупь отыскать пряник, или почти растрескавшиеся семечки липы, собранные нами накануне. В избе светло, уютно. С печи хорошо видна зала. На чистом некрашеном полу, выскобленных голиком и речным песком половицах, пестротканые полосатые дорожки. Бабушка несет, сверкнувший в свете лампочки под потолком, самовар, ставит его на стол, возле которого вдоль стен стоят широкие скамьи, вместо дверей проемы в ситцевых занавесках. Перегородки отделяют кухню от залы и кути, в кути маленькая печка с плитой. В доме всюду тепло и на душе у меня тепло. По-моему, в душе я все та же девочка, которой очень хочется погостить у бабушки.

Из моих ностальгических воспоминаний я была резко вырвана внезапной остановкой всей группы. Оказалось, что нам предстояло идти по заснеженной просёлочной дороге. Опытные туристы, предусмотрительно взявшие с собой электрические фонарики и балониевые краги на сапоги, решительно вступили на предполагаемую колею. За ними потянулись все остальные. След в след друг за другом словно гномы, что отправились добывать

самоцветы, мы шагали в полутьме. Имеющие фонари – шли уверенно, остальным же приходилось полностью сосредотачиваться на процессе продвижения, взгляд в сторону оборачивался падением в сугроб как минимум по колено – не до вдохновения! Все-таки приятно иногда быть ведомым – подумалось мне – хотя и тяги к лидерству я не лишена. Над сверкающей лунными брызгами поляной за нами с интересом наблюдала луна, мол, и куда же вы? А мы вскоре остановились, неожиданно, как будто в стенку уткнулись. Пришли! Кто-то в этой, как мне казалось, сплошной темноте что-то делал уверенно и спешно. Вот уже можно разглядеть пламя костра, ползущее вверх по пирамиде из стволов. Вокруг костра несколько бревен. Активисты постарались – заранее подготовили кострище, заготовили дрова. Располагайтесь! И все очень поспешно стали устраиваться, скинули рюкзаки, выложили праздничное угощение. По тенденции больших компаний туристы группировались по несколько человек, и мы с подругой не поодиночке, вдвоем. В атмосфере происходящего чувствовалось, что предвкушение праздника достигло своего апогея. Из портативного радиоприемника уже звучит речь президента. И вот оно – мгновение, к которому готовились несколько дней! С первым ударом московских курантов все замерли в ожидании, как будто ступили на шаткий навесной мост, что висит над пропастью между прошлым и будущим – старый год уже закончился, а новый еще не наступил. На душе и радостно и тревожно – ждём нового, а каким оно будет? С последним ударом курантов понеслось веселье: оглашались тосты, зашипели, засвистели петарды, раскрашивая разноцветьем на несколько метров ночную темноту. Ближайшую елку украсили гирляндами, на одном из деревьев пристроили магнитофон, развели еще один костер, поменьше. Возбужденные праздничной суетой и принятой дозой алкоголя кое-кто рванулся в пляс, кто-то в пылу азарта сбросил с себя куртку и так заразительно отплясывал, что его примеру последовали не менее десяти человек – возле костра организовался плотный хоровод. А возле большого костра зазвучала гитара и весьма нестройные голоса выводили то одну то другую песню и, как часто бывает, в сущности, так и не допели ни одну из них от начала до конца, то и дело, забывая слова. В котелках уже заварили чай и предлагали всем обжигающий напиток. Попивая чай с дымком, незаметно для себя я погрузилась в воспоминания, и слышала уже только свои песни. "Заварен круто дымный чай, взлетают искры светлым роем. Моя родная, не скучай! – трещит в костре сухая хвоя". Слова этой песни "унесли" меня на север, в метеорологическую экспедицию. Ах, экспедиции! Хвала им! Они позволяют не только побывать в весьма отдаленных и часто не освоенных еще людьми местах, но и дают возможность погрузиться в совсем необычную для городского жителя обстановку, оказаться как бы на необитаемом острове малочисленной группой, где каждый человек всегда на виду. Чужаки в экспедицию не поедут, – и это очень ценно! Экспедиции дают возможность отстраниться от всяческих городских проблем, сосредотачиваясь на полевой работе и на незатейливом быте, находясь всё время вне каменных стен. Напитываясь энергией природы душа, не может не развернуться не отпустить все печали, которые без следа растворятся в этой бесконечности пространства. Самые сильные и яркие впечатления обычно связаны с первым выездом в "поле". Парадоксально, оказывается, что иногда надо уехать за тридевять земель, чтобы увидеть наконец-то то, что у тебя под носом. Для меня таким откровением стала лиственница. В далекой-далекой тундре там, куда можно попасть только прилетев на вертолете, было всего несколько высоких деревьев и то до них нужно было еще дойти, аккуратно ступая на мох, обходя кажущимися не просто безопасными, а нарочито заманивающими пятна песка. Но опытные люди знают, что если ступишь на этот песочек – засосет, можешь и не выбраться. Лиственница вопреки своему названию дерево хвойное. Мягкие пучочки нежно-зеленой хвои своей необычностью тронули мое сердце, хотя черные округлые шишки-плоды прошлого – совсем не украшали его. Каково же было мое удивление, когда вернувшись из экспедиции, в городе родном на одной из аллей я увидела лиственницу! На ее ветвях красовались красноватые аккуратные

пишечки, похожие на своеобразные бутоны неведомых цветов. Не зря я ездила в экспедицию – подумалось мне – раз пришло мне на ум такое сравнение, темные плоды былого уже почти не заметны среди множества новых, красивых.

"Где-то багульник на сопках цветет, кедры вонзаются в небо" – еще одна песня, продолжением предыдущей. В тундре много всяческих цветов, а возле площадки метеонаблюдений я увидела шикарную клумбу багульника. Однажды ночью его беленькие цветки вмиг стали вдруг розовыми – они озарились восходом солнца, которое буквально только что до этого зашло за горизонт. Конечно багульник, что растет в нашей ленинградской области не идет ни в какое сравнение с тем багульником, но когда я его вижу, то обязательно вспоминаю северную экспедицию. "Кажется, будто давно меня ждет край, где ни разу я не был..." Жаль, что мало где я побывала и, увы, время моих экспедиций похоже прошло. Только мои воспоминания о тех выездах, что были когда-то, словно костер, вновь одарят меня светом и теплом. Нынче у многих есть возможность побывать в любой стране. Иные мои ровесницы с удовольствием катаются по Европе, по Египту... Но меня такой способ путешествия не привлекает. Не по мне ни организованные туры, ни автопробеги, да, и с палаткой за спиной я уже тоже не ходок. Бывало, я останавливалась где-нибудь на два-три дня, но чувствую, что с каждым годом возрастает и возрастает сила притяжения моего домашнего комфорта. И потому, однодневный поход на лоно природы – пожалуй, самый оптимальный вариант для меня сейчас. Итак, я незаметно возвратилась в настоящее, в новогоднюю ночь. Народ веселится. Я попыталась включиться в гулянье – и подпевала, и поплясала, и с кем-то перекинулась несколькими фразами, но веселье даже своим дыханием не коснулось меня. Скучно! Обычная пьянка только в лесу. Очень часто в компании я чувствую себя неудобно, особенно, там где много пьют – со мной пить неинтересно, мне не удаётся дойти до такого состояния когда интересными становятся все темы разговоров. Я вновь и вновь приглядываюсь к очередной компании, но вскоре мне становится скучно, будто я не при деле, будто все чужие, или я почти всем чужая? Чья я? И надо ли быть чьей-то? Где "мой"? Нет любимого и многие друзья уже покинули этот мир, а с тем, кто жив часто не то что встретиться – поговорить по телефону и то не удается – физически не успеваем сделать то, что требует от нас суетная жизнь, – время обрело невероятное ускорение. И мчатся, улетают, словно искры костра минуты, дни, года. Как тесно на этом ночном пятачке, как будто на дне темного колодца переминаешься с ноги на ногу. Пытаясь расширить пространство ночи, я стала удаляться от общества. Как оказалось, мы расположились на своеобразном полуострове, слева струилась незамерзшая река, справа в нее впадал ручей. На том берегу реки в ярком лунном свете величественно и картинно высились могучие ели, они были похожи на те, что рисуют на новогодних открытках. Чуть в стороне деревья выглядели мрачными и почему-то напоминали мне декорации к балету "Лебединое озеро". Меня не покидало ощущение, будто я в театре – то на сцене, то в зале. Хотелось дотронуться до лап тех елей, может, тогда они бы стали для меня реальными, живыми. Но недоступен берег тот – нет моста, и речку не сковал мороз. Мне не слышны были голоса веселящихся, но был виден яркий свет костра, что аленьким цветочком из сказки пламенел во тьме. Не потому ли луна словно вопрошала, мол, не страшно? Конечно, нет. Легко представить, что у костра ждут меня двенадцать месяцев. Вот и все сказки этого места – грустно констатировала я. Моей подруге, как и мне жутко наскучило это однообразие. Наше желание покинуть "бал" разгоралось ярче пламени костра. Но все организованно уйдут отсюда не раньше чем через два часа. Что делать? Фонарика нет, а тропинку в лесу не видно.

– Да выведешь ты! Наощупь, наоступь – выйдем! – поддержала меня напарница. – Смотри, как ярко светит луна". Спешно подхватив рюкзаки, мы двинулись в обратный путь. Я так пристально вглядывалась в отсветы на снегу, как будто искала не тропку, а грибы в предрассветной полутьме. Вскоре мы вышли на поляну, сверкающую мириадами снежных

искр. Вот он – праздник! И радость, разделенная на двоих сильнее вдвое. Не удержавшись от восторга, разбивая тишину, мы запели: "В лунном сиянье снег серебрится"... Зачарованные снежно-лунным пейзажем мы часто останавливались, подходили к соснам, подолгу любовались красотой природной, не рукотворной, слушали звон тишины, завитушки шума. Не то, что говорить, не смею думать, чтоб не нарушить эту тишину! Тропа привела нас к просеке. Мы остановились в оцепенении. На мгновение стало жутко – показалось, что нам предстояло пройти сквозь строй суровых, мрачных судей. Где-то в верхушках елей пряталась луна, подглядывая за нами, как бы отстранясь от происходившего, мол, здесь владения не мои, а этих елей-старцев, что думы вековые думают. Что ведают они? И слышался в ответ негромкий их совет: без суеты живи, без суеты... Спасибо ели – мудрецы! Но уж как получится... И вот мы на шоссе. Простор дороги, словно широкий коридор, ведущий в цивилизацию. А вот и знакомая деревушка. Все также светят фонари, но близится рассвет. В подтверждение тому на задворках одиноко прокукарекал петух. Его бодрое "кукареку" разнеслось над спящей деревней. С новым годом! Удалось-таки устроить праздник для души! Эту новогоднюю ночь вряд ли заметет сугробом забвенья.

2005 г.

А Вы бывали в Приозерске?

Этот вопрос мне задала моя недавняя знакомая Елена Андреевна, руководитель краевого музея "Лесное" в Санкт-Петербурге.

– Бывала, – отвечала я, – раза два или три. Помню церковь в центре городка, пешеходный мост через Вуоксу. Знаю, что в Приозерске есть древняя крепость, но увидеть её мне не довелось.

– Приезжайте к нам на выходные, – пригласила меня Елена Андреевна. – Мы с мужем покажем Вам все достопримечательности нашего города.

– О! Спасибо. Приеду.

Мне давно хотелось не спеша осмотреть этот самобытный городок. Можно, конечно обернуться и за один день, но, если добираться электричкой, то до Приозерска не менее трёх часов пути.

Итак, от Финляндского вокзала электричкой на Кузнечное, поутру я отправилась в Приозерск. Оказывается, Приозерском он стал лишь в 1948 году. Изначально поселение называлось Карела, потом городом Кексгольм, одно время – Кякисалми.

Дорога до станции Приозерск была знакомой, и не только потому, что лет восемь назад от пристани Валаамского монастыря в Приозерске я отплыла на святой остров. Наплывали приятные воспоминания о походах выходного дня. Где мы только ни бывали. Но больше всего меня привлекала природа Карельского перешейка: "туда, где труженик-паук соединяет с явью сны. Туда, где перехватит дух от тишины. Озёра, дивные леса, болота с ягодой морошкой. Холмов песчаных высота, простор лугов, изгиб речушки. Порогов бешеная страсть, игривость ручейка. Тропинок призрачная вязь, дыхание ветерка". Признаюсь без затей: "Для меня заветной сушей был всегда сосновый бор".

И когда, не доезжая станции Сосново, я увидела в окно электрички, поваленные недавним ураганом деревья, сердце защемило. Нет, я, конечно, слышала об урагане, что пронёсся в районе Сосново и, по телевизору видела упавшие деревья. Но когда их видишь вот так, вблизи и в таком количестве, – разливается печаль: "Им жить бы да жить, и в небо глядеться, и радовать нас. Но исполины рухнули наземь, как будто им в спины послали картечь. Убили, убили, убили, а мы не смогли, не могли уберечь эти деревья. Огромные сосны в бессилье своём, ощеряясь корнями, звериным оскалом пугают людей. Лес превратился в сплошной бурелом". И что-то мне подсказывает, что в наше время вряд ли кто станет расчищать лесные навалы.

От этих грустных мыслей меня отвлекло прозвучавшее объявление: следующая остановка – Приозерск. Электричка, остановившись ненадолго возле платформы, поспешила дальше на север. Я вышла к вокзалу. Старое, постройки начала XX века, деревянное здание – типичный железнодорожный вокзал провинциального города. Казалось, вот сейчас грянет местный оркестр, торжественно встречающий пассажиров поезда, прибывшего из самой столицы. Меня встречали (на такси) Елена Андреевна и её супруг Александр Александрович, милые люди, немало лет живущие в Приозерске. Их дети выросли, уже и внуки есть. Сейчас они живут в Санкт-Петербурге.

Лёгкий полдник, кофе-чай, и из уютной квартиры мы вышли под моросящий дождь. За разговорами, о том о сём, о прошлом и настоящем, до обеда мы обошли почти весь город, а вернее, городок, поскольку территория его невелика.

В нескольких метрах от железнодорожной платформы плескались серые, морщинистые и неприветливые воды озера. Начало сентября выдалось пасмурным, с холодком. Но нам ещё помнилось нынешнее необычайно жаркое лето. Вероятно, в Приозерске народу было не меньше, чем на южных курортах. Летом на пляже шум и гам, музыка и крики. А

нынче тишина, холодный ветер, и то усиливающийся, то прекращающийся дождь. Недавний ураган прошёл полосой по побережью. Дорогу к пляжу уже расчистили, некоторые упавшие деревья распилили, оттащили к обочинам. Но, то тут, то там, зеленея кронами, лежали сосны-великаны. Застигнутые врасплох, они как будто ещё не поняли, что произошло. Когда мы увидели упавшее, хочется сказать, павшее дерево с вывороченными корнями, Елена Андреевна вздохнула:

– Вот эта сосна была сказочно красива, она была украшением дороги на пляж. Да, кстати, мы оказались очевидцами урагана, – продолжила Елена Андреевна. – Поздно вечером мы с мужем решили искупаться в озёрке, что возле крепости. Пока купались – стемнело, фонари на аллее зажглись. Мы уже оделись, как заметили, что свет фонарей стал мигать. Но вскоре он восстановился, мы обрадовались этому, не спеша дошли до мостика через протоку. И тут неожиданно поднялся такой ветер, что прибрежная ива под его порывами заколыхалась, и так заскрипела, что мы испугались. Мы убыстрили шаг, а потом перешли на бег. Очередной порыв ветра взметнул с дороги песок и гравий, осыпал нас. Мы успели забежать в ближайшее кафе, благо оно ещё не закрылось. В полной темноте там пережидало стихию несколько человек. Вскоре нашлись свечи, их зажгли. Муж попытался по мобильнику дозвониться домой, но связи не было. Дозвонились по городскому. Успели только узнать, что никто из наших не пострадал, только от сквозняка разбилось стекло межкомнатной двери. И связь исчезла. Какая-то женщина тоже надеялась дозвониться до родных и, убедившись, что связи нет, стала плакать и умолять своего мужа тотчас же идти домой. Он успокаивал её, убеждая, что надо переждать грозу здесь. А за стенами нашего весьма основательного убежища, бушевала стихия: страшный ливень, сверканье молний и невероятный гул. Продолжалось это минут сорок. Откровенно говоря, жутковато было. Но мы не представляли себе масштаба происходящего! Внезапно всё стихло. Несильный дождь нас не испугал. Не испугала нас и крошечная темнота. Стало понятно, что провода оборваны. У мужа была зажигалка с минифонариком. Светя им, мы осторожно двинулись к дому. Тревога нарастала. Кое-где мы различали очертания валяющихся веток а, увидев оборванный провод, аккуратно обошли его стороной. Домашние встретили нас при свете свечи, испуганные. И всё же произошедшее мы рассматривали как неожиданное приключение. Ужас охватил нас утром, когда мы вышли на улицу. В городе повсюду были видны последствия разбушевавшейся стихии. Сорванные крыши домов и гаражей, сломанные заборы, поваленные деревья, искорёженные столбы уличного освещения. Такого мы никогда не видели! Света и воды в городе не было до следующего вечера. В каком-то колодце мы набрали ведро воды – для питья она не годилась. Хорошо, что днём в городе появились водовозки. Возле крепости ураган, словно огромными граблями прошёл, деревья буквально через одно попадали. И то дерево, под которым мы накануне переодевались, было с корнями выдрано из земли. Если бы мы задержались тогда минут на пять... даже представить страшно! Из СМИ мы узнали, что жертвами урагана стали несколько человек. В поликлинику приходило много травмированных. Куском какой-то жестяной кровли пробило голову брату моей ученицы, парень погиб. Очень жаль, – ведь ему было только 16 лет. А сколько байдарочников и туристов, отдыхающих на островах Ладожского озера, были застигнуты ураганом, пожалуй, так и не узнают. Несколько дней над городом кружил вертолёт, – закончила своё рассказ Елена Андреевна.

А между тем, возле крепости Корела не так ужасающе смотрелись новоявленные пни. Если их выкорчевать, то люди, которые раньше не видели здесь деревьев, решат, что так оно всегда и было. Конечно, не в те далёкие времена, когда эта крепость была возведена новгородцами на небольшом островке при впадении реки Вуокса в Ладожское озеро. По словам летописца, здешние поселения существовали уже в XII столетии. Местные краеведы почти уверены в том, что именно в Кореле в 879 году был похоронен родоначальник династии Рюриковичей, князь Рюрик.

В настоящее время в Детинце (так иногда называли старую крепость) располагается краеведческий музей. Крепость окружена каменно-земляными валами. Небольшой внутренний двор крепости настолько ухожен, что вначале меня не покидало ощущение стилизованности этих мест. И только когда экскурсовод провела нас в Круглую башню, в которой ещё сохранились стены и казематы нижнего этажа, я почувствовала дыхание прошлых эпох. Этому немало способствовало скудное освещение первого яруса. Здесь в полумраке высятся массивные городские ворота. В честь окончательного освобождения крепости от шведов войском Петра I в 1710 году, ворота были обиты трофейными латами шведских рыцарей.

Герб Кексгольма – в виде боевого щита. Меня очень заинтересовало на нём изображение журавля, держащего камень в поднятой лапе. Оказывается, согласно народному сказанию, стая журавлей, располагаясь на ночлег, выделяет из своей среды самую бдительную птицу, которая, охраняя стаю, стоит на одной ноге, а в другой держит камень. Если журавль задремлет, то упавший камень тотчас разбудит его. Этот журавль на гербе символизирует собой город-крепость – бдительного часового на подступах к столице России.

Многие годы Корела состояла из двух островных крепостей: Старой и Новой. Они были связаны мостом. Новая крепость располагалась на Спасском острове. В южной части этого острова и сейчас можно видеть неширокий канал, идущий параллельно основному течению реки. В своё время он снабжал водой жителей Новой крепости. В 1857 году, с целью улучшения судоходства по Вуоксе, был взорван перешеек у селения Кивиниеми (ныне Лосево). Уровень реки в нижнем её течении резко понизился, и крепость Кексгольм потеряла своё островное положение.

Долгое время крепость использовалась как политическая тюрьма. По одной из версий первым знаменитым её узником стал Иоанн VI – Антонович. Бывший император был сослан сюда Екатериной II летом 1762 года. Позже, в одной из камер круглой башни томились, после казни Емельяна Пугачёва, две его жены и трое его детей от первого брака: две дочери и сын. Оказывается, уже в те времена заключённым запрещалось называться своими именами, им присваивали арестантские номера. Узниками крепости был и батальон Семёновского полка, и декабристы.

Удивительным было узнать, что в XV веке Корела была заметным пунктом международной торговли и, судя по всему, вторым после Новгорода городом северо-западной Руси. Связь с Новгородом осуществлялась как водным (по Ладоге и реке Волхов), так и сухопутным путём.

А в середине XIX века, будучи в составе автономного Великого княжества Финляндского, Кексгольм стал тихим провинциальным городом. Русский писатель Н.С.Лесков в "Очарованном страннике" отразил свои впечатления от посещения Корелы в 1872 году. Он писал об ужасной скуке гнетущей скупой природы и о том, что только устанавливавшееся в летние месяцы пароходное сообщение с островом Валаам, вносило некоторое оживление в жизнь этого провинциального городка. На берегу Ладожского озера была построена пристань. В знаменитый монастырь стремились многочисленные богомольцы и туристы.

И ныне жизнь Приозерска, а особенно монастырского причала оживляется с началом навигации. Мне было интересно увидеть изменения, произошедшие на причале и вокруг его за те годы, что я там не бывала. После обеда мы пошли городком: мимо домов старых-старых, полуразрушенных, мимо типовых многоэтажек советского периода, мимо финских домиков, некоторые из которых уже обрели рекламный вид, опрятные, красочные, такие уютные. Немного – парком, и вот мы уже вышли к реке. Всё тот же пешеходный мост, – подумалось мне. – А вот на другом берегу появились какие-то невзрачные строения, а рядом с ними лодчонки, лодки, катера.

А когда мы вошли на территорию монастырского причала, казалось: некуда ногу поставить. Двор загромождён контейнерами, грузами, заставлен техникой и машинами. Мне даже

показалось, что даже часовенку передвинули на другое место. Осень, скоро закончится навигация. И надо успеть доставить по воде всё необходимое на святой остров.

Нашим появлением на территории причала заинтересовался молодой человек, вероятно один из трудников. Я рассказала ему, что однажды, ожидая теплохода на Валаам, я ночевала здесь, в домике для паломников. А через год приезжала сюда на один день. Было солнечное лето, "берег песчаный, крутой. Стол во дворе под сосной. Радужным куполом крона. А на стволе икона".

– Икона на прежнем месте? – спросила я.

– Да, конечно. Вот она!

И вспомнилось мне, как приветливы ко мне были трудники. "Время прощанья настало. Новой надеждой звучало эхо над тихой рекой: – К нам приезжайте зимой, мы Вам келейку натопим!" Сколько лет и зим прошло, сколько воды утекло из Вуоусы в Ладогу...

В устье Вуоксы – большое количество различных судов. Но шикарная яхта (как утверждают местные знатоки, это яхта В.В.Путина) была видна издалека и своим видом превзошла все ожидания. И как-то несоответственно она выглядит на фоне полузаброшенных корпусов целлюлозного завода. Здесь же рядом вертолётная площадка, раньше её не было.

Мы сошли с бетонной дорожки и свернули вправо. По песчаному берегу Ладожского озера идти было труднее, но приятней. А когда в прибрежном лесочке мы обнаружили грибы, – оживились. Увлекательна грибная охота и посему, назавтра мы решили поехать (на такси) в лес, по грибы – по ягоды-на шашлыки. И всё было чудесно. И совсем не огорчило меня то, что грибов было мало, а ягод и того меньше. Как же приятно было посидеть у костра на берегу спокойной Ладоги. "Нынче в озере вода на асфальт похожа. Очень странно, но покой вдруг наполнил душу. Захотелось – по прямой – по озёрной суше – как по взлётной полосе – вопреки законам всем!".

Я с интересом слушала рассказы о жизни бывалых в походах людей. Александр Александрович и Елена Андреевна, долгое время работали в школе и непременно вывозили школьников на природу. Только вот я никак не смогла представить как же выглядят знаменитые ладожские шхеры, о которых я слышала уже не раз?

– Приезжайте к нам летом! И мы обязательно покажем вам это уникальное творение природы, – одновременно предложили мои добровольные экскурсоводы.

– Спасибо! Я с удовольствием принимаю ваше приглашение! Продолжение следует...

2010 г.

"Малые Кижы"

Как-то не довелось мне побывать в Кижях, воочию увидеть шедевры архитектуры древнерусского деревянного зодчества. На красочных иллюстрациях в прекрасно изданных книгах об этом музее под открытым небом особо впечатляют виды знаменитой двадцатиглавой Преображенской церкви.

Озвучь свои желания и вскоре получишь информацию, интересующую тебя, – в этом я уверена. И вдруг я узнаю, что на берегу Невы, возле её "кривого колена", уже несколько лет стоит деревянная церковь, очень похожая на Преображенскую. Официально комплекс Покровской церкви, что расположен на территории Невского лесопарка, именуется "Усадьбой "Богословка", но в народе его уже называют Малыми Кижями. Ну что ж, если не сами Кижы, то хотя бы Малые Кижы увидеть.

Весна зовёт в дорогу. От станции метро "Ломоносовская" автобусом № 476 до Невского лесопарка около получаса. И вот в сиянии солнечного дня, на фоне глубокого синего неба мы с попутчицей увидели многоглавый деревянный храм. Великолепен! И ощущение, что стоит он здесь с давних пор, – потемнел от солнца и ветра, от снега и дождя.

Но, оказывается, и храм, и колокольня, и часовня, находящиеся здесь, воссозданы по аналогам. Впервые в России такой метод применил архитектор А.В.Ополовников. Воссоздание памятника по обмерам даёт возможность вернуть облик, близкий к первоначальному. Кстати, именно по инициативе и под руководством А.В.Ополовникова создавался знаменитый музей в Кижях.

В "усадьбе "Богословка" воссозданы:

– Покровская церковь села Анхимово Вытегорского погоста Олонецкой губернии. Она была основана в 1708 году, сгорела в 1963 г. По преданию, проект церкви сделан Петром I, который сам неоднократно её посещал.

– Часовня Спаса Нерукотворного деревни Кириллово Каргопольского уезда, конца XVIII – начала XIX века.

– Колокольня Нижнее-Уфтюгского погоста Вологодской губернии, XVII в.

Особо впечатляет величие Покровского храма. Купола, купола, купола... сколько же их? 25!

"Обилие глав и бочек, бесконечное множество прихотливо изгибающихся кривых линий и поверхностей, стремительная динамичность архитектурных масс придают ей удивительную праздничность и нарядность, характерную для русского искусства и архитектуры рубежа XVII–XVIII веков, – написано о Преображенской церкви в книге "Русь деревянная" (А.Ополовников. Г.Островский). – Кажется, что церковь не создание рук человеческих, а чудо природы, невиданный цветок или волшебное дерево. В ней есть что-то от сказочных теремов, и в то же время от неё веет богатырской, былинной эпичностью, простотой и непосредственностью крестьянских построек. Церковь смотрится безупречным произведением пластики, словно изваянным резцом великого мастера из одного куска дерева". Такое же впечатление производит и Покровская Церковь. И я полностью разделяю мнение авторов книги.

Для человека, не имеющего художественного образования нелегко ориентироваться в архитектурных терминах. Прочитав не одну книгу о деревянном зодчестве, я узнала много интересного. И значение некоторых слов стали для меня понятными. Вот некоторые из них.

Лемех – деревянная черепица, изготовлялись из осины. Лемехом в старину покрывались шатры, главки и другие округлые кровли. Осиновый лемех не коробится под действием дождя и солнца, обеспечивает надёжность покрытия. А способность осины менять окраску в зависимости от освещения давно подмечена зодчими и поставлена на службу архитектуре.

Полица – нижняя пологая часть кровли. Повал – верхняя, постепенно расширяющаяся часть сруба, карниз. Причелина – доска, покрытая декоративной резьбой, напоминающей кружева.

Теперь я знаю, что в основании Покровской церкви – так называемый восьмерик, с четырёх сторон которого примыкают прирубы. В старину такая церковь называлась круглой – "о двадцати стенах". Прирубы сложены из могучих брёвен способом "в обло", т. е. снаружи остаются концы брёвен. Эти углы, безусловно, придают северным храмам и избам особую прелесть. Каждый венец требовал от плотника громадного терпения, мастерства, точного глаза и твёрдой руки. Ведь надо было сделать пазы, потайные зубья, врубки, подогнать брёвна друг к другу так, чтобы всё было притёсано плотно, без щелей. Гвозди были просто не нужны.

И Покровский храм создан без единого гвоздя. Обойдя вокруг церкви, впечатлившись его стенами снаружи, мы с приятельницей поднялись по одному из двух лестничных маршей крыльца. Из истории вспомнилось, что в старину крыльцо в храме служило не только входом, но и трибуной. С него прихожанам оглашались различные указы и решения.

С высокого крыльца Покровской церкви как ладони центральная часть подворья. Хорошо просматривается главный вход, встроенный в ограду. На стыках ограды невысокие башенки с повалом и четырёхскатной крышей, и по всей длине пущена клинчатая кровля, защищающая её от осадков.

Не без трепета мы вошли в храм. И оказались в необычной по планировке церкви. Было такое ощущение, что мы попали в большую, чистую, светлую, праздничную избу. Сразу же бросились в глаза широкие некрашенные половицы и домотканые половики-дорожки. И нахлынули на меня воспоминания детства, летние каникулы в деревне у бабушки. Помнится, по субботам полы в избе бабушка драила голиком (веник без листьев) и речным песком. И пахло в доме влажной чистотой, свежестью только что спиленного дерева. А половики были в ту пору яркими, оттого, что стирали их в холодной воде и, помнится, били вальком на реке. Кстати, стелили половики на ещё не высохший пол, чтобы в дальнейшем не скользили.

Тихо переговариваясь, мы с приятельницей не спеша с интересом изучали интерьер церкви, как будто находились в музее, а не в действующем храме, отчасти оттого, что кроме нас в церкви была лишь свечница. Всё в этой церкви, конечно же, из дерева, всё дышит теплом рук мастеров – и "небо" – 12 клинообразных икон вокруг медальона с изображением лика Вседержителя, и расписные напольные подсвечники, и резные столбики возле икон, и кресты. Нам долго не хотелось уходить из этого удивительного дома.

Немного пообщавшись со свечницей, мы вышли из храма. На колокольне звякнуло, отмерив очередные четверть часа. Нам оставалось зайти в часовню. Там находится икона "Спас Вседержитель", явленный образ Спасителя на бересте. Да, этот образ произвел на меня благостное впечатление.

Выйдя за пределы подворья и, перейдя шоссе, мы оказались на берегу Невы. Невдалеке находится пристань, мы с попутчицей, увы, в полуразрушенном состоянии. В иные времена сюда ходили речные трамвайчики. Летом в Невском лесопарке было много отдыхающих. К сожалению, нынче эти места доступны только автотранспорту. А вот, если бы сюда добираться древним, неспешным водным путём, то впечатление от увиденной нами "Усадьбы "Богословка" было бы, более сильным и проникновенным, – подумалось нам.

2011 г.

Скит Андрея Первозванного

О ските Андрея Первозванного мы с приятельницей уже были наслышаны. И мнения о нём разнились. Что закономерно, на тех, кто приезжал в скит на машине, он не произвёл никакого особого впечатления. Те, кто приезжал туда на велосипеде, утверждали, что когда на том месте стоял только поклонный крест, им нравилось бывать там. А сейчас их раздражает, тот факт, по их мнению, что в скиту отмывают деньги наши богатые сограждане, мол, понастроили всего, грехи замаливают. Я полагаю, что когда человек едет мимо чего-то, то многое упускается и оттого впечатление остаётся поверхностным. А когда идёшь пешком, то больше включаешься в происходящее, завязываются разговоры, узнаёшь что-то новое, и появляется желание узнать больше об этом месте.

Скит Андрея Первозванного находится в Колтушской волости Всеволожского района Ленинградской области, недалеко от Коркинского озера. Изучив карту района, мы с приятельницей выбрали такой путь: доехать до Воейково, автобусом № 532 от Ладожского вокзала, потом дойти до д. Кирполье, далее мимо коттеджного посёлка "Лукоморье" до развилки, где: озеро – прямо, а скит – налево.

Нам говорили, что по этой лесной дороге до скита километра два. На самом деле, оказалось чуть больше. Вскоре нас нагнала машина. Молодые люди искали дорогу на Коркинское озеро. Мы их отправили назад, к развилке. И решили уточнить, а далеко ли до скита. Но, ни молодой человек, ни его девушка ничего не слышали о нём. И вообще, что такое скит? – поинтересовались они. Мы объяснили, что скит это жилище одного или нескольких монахов, который традиционно находится в глухой местности. Поблагодарив нас, молодёжь уехала.

Мы ещё и километра не прошли, как увидели машину, что ехала нам навстречу. Она остановилась, и молодой человек с явной усмешкой поинтересовался, куда, мол, вы?

Отвечаем. Удивлён. И тут же с ухмылкой рассказывает, что недавно здесь он увидел группу людей, которые шли на Коркинское озеро, купаться. Ну, и его шутивая реакция на эту ситуацию: ещё километров тридцать и – будет озеро! Я не сразу и поняла, что он имеет ввиду Ладогу. А вы, говорил он, идёте правильным путём, до скита ещё километра полтора. И глядя на нас, женщин слегка за 60, с сомнением поинтересовался: дойдём ли? Дойдём, – бодро отвечали мы, и ускорили шаг.

И вот уже виден блеск купола. Дошли! Сидевший у ворот на бревне мужчина, сообщил, что скитостроитель отец Серафим в отъезде, но игумен скита отец Викторин где-то здесь.

Мы вошли на территорию скита, и оказались на небольшом участке, плотно застроенном различными деревянными, очень живописными, постройками.

Навстречу нам вышел священник, помоложе нас. Это и был отец Викторин. Батюшка был очень любезен с нами – открыл и церковь, и часовню, и колодец. Рассказал вкратце историю скита.

Скит расположен на Агафоновом лугу, на так называемой в народе "Дороге смерти".

По этой дороге в сентябре 1941 года на легендарный "Невский пяточок" шли тысячи солдат. Как известно, пало там не менее 250 тысяч воинов. В конце 1942 года в районе, прилегающем к Агафонову лугу, располагался штаб операции "Искра", в результате которой и была прорвана блокада Ленинграда.

Скит во имя Андрея Первозванного возник на базе крестьянского хозяйства, созданного в июне 1994 года Владимиром Елгиным. Узнав об исторической и духовной значимости этого места, он стал ходатайствовать о появлении здесь скита, в память павших в Великую Отечественную войну. И, принявший монашество под именем Серафим, он и был назна-

чен скитост-роителем. Возле большого древнего валуна 5 июня 1996 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) благословил установить поклонный крест.

Поначалу отец Серафим хотел, построив часовню, уединиться, как это сделал некогда преподобный Серафим Саровский. Но, к сожалению или к счастью, частенько, люди, ехавшие отдохнуть на Коркинском озере, на развилке сворачивали влево. А узнав о ските, некоторые из них становились благодетелями, жертвовали на его нужды.

В настоящее время на территории скита стоит деревянная церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, – службы в ней проходят регулярно. На колокольне установлен огромный пятитонный колокол. Закончено строительство братского и архиерейского дома. Утверждён проект каменного собора в честь св. ап. Андрея Первозванного.

Весьма любопытный факт: скит находится на старинном сухопутном пути вдоль Невы. По преданию, святой апостол Андрей, проповедуя слово Божие, проследовал по этой дороге. Посему, и скит решено было назвать его именем. По этой же дороге, вероятно, ходил с войском и Александр Невский, хотя история об этом умалчивает. А в октябре 1702 года здесь двигались войска Петра 1, освобождавшие приневские земли от столетнего шведского владычества.

На территории скита наше внимание привлекла часовня, явно недавно выстроенная. Оказалось, это часовня во имя великомученицы Евгении. Её построили на средства благотворителя И.Н.Бусырева в память о безвременно ушедшей в горный мир дочери Евгении.

Супруге благотворителя Людмиле во сне явилась дочь со словами: "здесь мама будет наш дом", и та увидела рубленую деревянную церковь на лесной поляне, к которой шли богомольцы. Вот такое откровение! Вскоре раба божия Людмила ушла вслед за дочерью.

На небольшой ухоженной территории скита небольшое подсобное хозяйство, огород. В скиту живёт человек пять-шесть, бывают здесь и трудники и госторбайтеры. О, времена! И тут госторбайтеры! Помнится мне, что в скиту монашествующие должны сами обеспечивать своё житие, совмещая молитвы и труды. Но, увы!

Батюшка Викторин учтиво проводил нас за пределы скита, рассказывая о красоте этих мест. И показал нам запруду, сделанную бобрами на реке-ручье Дягтярке.

Получив благословение в дорогу, мы покинули этот гостеприимный скит. Благодарим тебя, Боже, что привёл нас сюда! Но и мы молодцы, – пешком, туда и обратно, километров 12 будет.

Кстати, возле Кирполя перед нами остановилась машина. Водитель, тот, что утром спрашивал, куда мы идём, поинтересовался, понравилось ли нам в скиту.

– Да, нам там очень понравилось!

2011 г.

Попутчицы

В скиту Иоанна Богослова Ирина уже бывала, прошлым летом с одной из приятельниц. Всё тогда сложилось: погода была отличной, настроение – великолепным; наместник скита отец Дмитрий – гостеприимным и благожелательным: замечания не делал, нотаций не читал; сам поход оказался не утомительным и приятным. Это произвело сильное впечатление на Ирину, и она с удовольствием написала очерк о посещении необычного места. Статью опубликовали в одном из известных в городе журналов. Ирине хотелось передать журнал со своей статьёй из рук в руки отцу Дмитрию и извиниться за то, что перед публикацией ей не удалось показать статью и получить его благословение.

"Кстати, неплохой повод вновь посетить знакомые места" – подумала женщина. Однако, одной идти ей было страшно, – мало ли чего. До скита километров шесть, в основном по безлюдной лесной грунтовке.

Вот уже и весна и лето пролетели, а ей так и не удалось найти себе попутчика. Лучшей попутчицей была бы верная Тамара, но, сколько её Ирина ни уговаривала, в скит подруга идти не соглашалась, каждый раз у неё находились какие-нибудь отговорки, как будто ей что-то мешало.

На дворе уже конец сентября. Утром Ира позвонила подруге и в очередной раз предложила прогуляться до скита. Тамара неожиданно согласилась, и, как будто боясь передумать, мгновенно собралась. Встретились на остановке. В ожидании нужного им автобуса подругам пришлось простоять минут сорок.

– А может, это знак, и не стоит нам сегодня стремиться в скит? – начинала нудить Тамара. – Поехали в другое место, вон сколько автобусов.

Пока судили да рядили, и автобус подошёл. Народу в нём! – едва втиснулись.

Тамаре повезло, ей удалось сесть на освободившееся место возле кабины водителя. Ирину оттеснили в середину автобуса. Временная разлука с попутчицей её не огорчила – не хотелось слышать нескончаемые комментарии подруги. Автобус полз еле-еле. Неприятно, конечно, но ведь им не на поезд, не опоздают.

Стоя у приоткрытого окна, Ирина сосредоточилась на молитвах. Многократное повторение молитв помогало всегда, на душе становилось спокойнее. Особенно любила она "Отче наш..." и "Богородица, Дево радуйся..."

– Ну, наконец-то! Еле выдержала, – выдохнула Тамара, выйдя из автобуса. Ирина промолчала. В последнее время подруга часто бывала в раздражении, приходилось быть терпеливой.

Им предстояла пересадка на Вешково. Остановка была в нескольких шагах. Их автобус уже поджидал пассажиров. Народу немного. Сидя на передних сидениях, подруги имели возможность тихо переговариваться. Но мужчина, сидящий сзади, непрестанно что-то бубнил случайной соседке. Тембр его голоса раздражал Тамару. Ирина попыталась отвлечь подругу, но ей это не удалось.

– На нервы действует, – пожаловалась та и в поисках утешения достала из рюкзака бутылку. Делая глоток за глотком, похвалялась:

– Бутылка стеклянная... вода родниковая... с вареньем... тебе не предлагать?

– Не искушай. У меня своя: не сладкая, из-под крана... в пластиковой бутылке, – ответила Ирина с оттенком иронии.

В Вешково они зашли в магазин, надо было купить что-нибудь поесть. Сразу было видно: магазину нечем их удивить, но Тамара всё-таки умудрилась так долго выбирать, что подруга не выдержала и стала подтрунивать над ней:

– Ты как старушка из глухой деревни, которая давно не была в магазине, и никак не может выбрать, чем бы себя вкусненьким побаловать: чтобы было и мягонькое, и сладенькое, и недорого.

В конце концов, обе купили по батону и по упаковке сыра в нарезке. Устроились на ближайшей скамейке, перекусили. Когда Тамара полезла в рюкзак за заветной бутылочкой, та выскользнула из её рук и рухнула на асфальт. Раздался звон разбитого стекла. Кошка, которая было подошла к ним, надеясь на угощение, мгновенно шмыгнула в кусты. Тамара остолбенела.

– Вот он, апофеоз раздражения! – негромко произнесла Ирина. Похоже, подруга не услышала.

– Опять в магазин идти, пить-то хочется – вздохнула подруга и ушла.

Вернулась быстро, с пластиковой бутылкой лимонада.

– Теперь придётся химию пить, а у меня-то было натуральное: малина, черника, – не успокаивалась она.

Погода начинала портиться, лиловые тучи табуном неслись по небу.

– Уже три часа! – хватилась Ирина. – Ходу!

И подруги рванули – километров шесть в час. А когда дорога пошла под уклон, Тамара ускорила так, что казалось: ещё немного и она кувырнётся и покатится как колобок.

– Ну, ты и мчишься, – не догнать!

– Глаза бояться, а ноги идут.

– Скорее, Божьим провидением ноги сами несут, – отвечала Ирина. – Кстати, сегодня праздник – Успенье Пресвятой Богородицы.

– Да не знаю я православных праздников, – отмахнулась подруга. И тут же указала на дерево, где был прикреплён указатель: "Скит, 3 км".

– Всего-то! – ободрилась она.

Начался дождь. На ходу накинув на себя полиэтилен, путницы темпа не сбавили. Ирина едва успевала за подругой. "Уже за 70, а мчится как молодая" – позавидовала она.

– Чего ты бежишь? Я уже задыхаюсь.

– Надо успеть засветло! Как мы в темноте-то возвращаться будем?

– Успеем! – заверила Ирина.

Какое-то время подруги всё же шли помедленнее, но под осенним дождём особо не расслабились, и путницы вынуждены были снова ускорять шаг. Придорожный пейзаж был достаточно унылым: серые деревья, тёмное небо. Ирина всё чаще вглядывалась в даль и вскоре увидела крест храма.

– Ну вот, почти пришли. А вернее, добежали! Видишь крест?

Они вошли на территорию скита. Тамара с интересом стала осматриваться. И тут же сообщила, что увиденное совсем не соответствовало её представлениям: скит должен находиться в глухом месте, к нему через дебри ведёт потаённая тропа, и выглядит он мрачно: две-три ветхих избушки, на крыше одной из них – крест. А тут столбовая дорога и новенькие, светлые, умытые дождём терема.

Ирина заметила, что их восприятия разнятся. Ей было с чем сравнивать. В этот раз скит ей показался мрачнее, строже. За год краски потемнели, – отметила она.

И тут они увидели игумена Дмитрия. Среднего роста в хорошей физической форме мужчина одет был в серый выношенный подрясник, на голове – серого же цвета суконная шапка, в руках дрель и шурупы. Выглядел он пожилым и усталым. Ну, совсем не похож на священника, скорее на послушника.

Паломницы почтительно поздоровались. Ирина попросила уделить им немного внимания, на что он согласился и повёл подруг под навес крыльца часовни. Женщины с наслаждением устроились на деревянных ступеньках.

В начале разговора Ирина сочла нужным напомнить наместнику о себе и, вынув из рюкзака несколько экземпляров журнала со своей статьёй о ските, вручила их ему. Игумен оживился и, взявши журнал, тут же начал его листать. Похоже, подарок пришёлся по душе – он с улыбкой поблагодарил Ирину.

Женщина осмелела и попросила чего-нибудь попить, мол, запарились, бежавши из Вешково. Наместник поспешно отложил журнал.

– Конечно, конечно, сейчас я вас чаем напою, идёте в трапезную.

Ирина не без удовольствия отметила про себя, что в прошлый раз он был хоть и очень любезен, рассказал историю скита, открыл им и церковь и часовню, но в трапезную не пригласил.

Игумен провёл паломниц внутрь отдельно стоящего деревянного строения и предложил подругам присаживаться, указав на длинный стол, вдоль которого стояли деревянные скамейки; сам же остался на кухне и занялся приготовлениями. Подруги с облегчением опустились на скамейку.

Но Ирине не сиделось на месте – в ней сразу проснулся журналист, и она стала ходить и разглядывать всё вокруг. На стене обнаружила календарь с видами Коневского монастыря.

– Шикарный календарь, знакомые виды. Я была там летом.

Услышав о Коневце, Тамара оживилась, ей захотелось сказать, что и она там бывала; но у Ирины с игуменом уже завязался оживлённый разговор об общих знакомых, настоятелях монастырей.

Тем временем, монах подал путницам яичницу, положил по кусочку отварной красной рыбы.

– Ну, что вы? Нам бы только чаю, – смутилась Ирина.

– Ничего, ничего, вы с дороги. И чай будет. Кушайте!

– У вас есть куры? – предположила Ирина.

– Да, у нас своё небольшое подсобное хозяйство: огород, теплички. И куры есть.

Подруги знали, что приступать к еде следует после молитвы, и ждали.

Монах вслух начал читать молитву, и женщины встали рядом с ним. Паломницы принялись трапезничать, а игумен сел за другой стол.

– Вы же, не за рулём! – вдруг осенило хозяина, и тут же из шкафчика он достал бутылку вина, налил в фужеры:

– Херес. Настоящий. Оцените!.. Гости оставили.

И они оценили.

Сытые и довольные, со словами благодарности подруги уже собрались встать из-за стола, чтобы продолжить путь, но извне послышался мощный шум дождя.

– Какой сильный! Придётся вам задержаться, – произнёс отец Дмитрий.

Ирина тут же воспользовалась моментом, у неё оставалось ещё много вопросов.

– Мне кажется, что ваш скит по сути уже и не скит вовсе, – заметила она.

Наместник согласился:

– Вы правы. Нынче это скорее сельский приход. Ведь в скит нельзя ни женщинам, ни детям. А здесь детей много бывает. – И продолжил: – Мне зачастую приходится быть и хозяйственным, и работником, и поваром, и подавальщиком. А хотелось бы больше времени уделять молитве, но, увы, обстоятельства. – В его словах сквозило сожаление. – Выстроил я себе сараюшку на опушке, иногда удаётся с Богом наедине побыть.

Немного помолчав, отец Дмитрий продолжил.

– Нынче проблема на Руси – монахов нет! Монахи-то были, в основном, из крестьян, а где они нынче крестьяне-то?... Молиться некому!

Священник говорил и, слушая его, Ирина подумала: как всё непросто в его жизни. В очередной раз она убедилась и в том, что хотя церковь и отделена от государства, но изменения в нем отражаются и на церковной жизни.

Краем глаза Ирина увидела, что Тамара как-то вдруг изменилась, увлечённая их разговором, она забыла о себе. Похоже, она впервые слышала о вещах, ей совершенно незнакомых, но интересных, и, как оказалось, нужных.

– Но всё-таки не перевелись ещё подвижники на Руси, – продолжал игумен. Это звучало обнадеживающе. – Моя хорошая знакомая с несколькими насельницами сейчас восстанавливает монастырь в Карелии.

И тут же предложил Ирине:

– А Вы не хотите туда съездить? Игуменя будет рада, и встретит и приютит, – подбадривал он. – До монастыря добираться легко, автобусом километров 300.

– Спасибо, возможно и съезжу, – отвечала Ирина.

– Ну, если надумаете, звоните.

Дождь кончился и подружки снова засобирались. Получив благословение в дорогу, они вышли из скита. Дождь то усиливался, то становился тише, но это не влияло на настроение подруг. Всю дорогу до Вешково женщины наперебой делились своими впечатлениями. Не забыли и о хересе, – забавно – ещё бы, в такой глуши, да ещё и в святом месте.

В Вешково, в ожидание автобуса устало присели на скамейку.

– Так долго собирались, и вот уже всё позади, – философски и как будто с сожалением заметила Тамара.

– Да, – согласилась Ирина и добавила: – Но воспоминания-то останутся.

– Ещё бы! На меня огромное впечатление произвела встреча с отцом Дмитрием. Для меня она стала откровением. Я впервые почувствовала присутствие Святого духа. Он говорил проникновенным голосом священника. А какой тембр у него завораживающий!.. Отец Дмитрий убедил меня в том, что непременно надо молиться!

2012 г.

Яблочная осень

23 октября. Осень подарила солнечное утро, радость пробуждения и желание жить; снова жить дорогой, но не той, что изнуряет в пробках городских.

Захотелось из города на денёк ускользнуть, выходиться, продышаться, насладиться красотой нашей северной природы, увидеть её краски, услышать её звуки.

Финляндский вокзал. У платформы стоит электричка и ждёт пассажиров, она дрожит в нетерпенье: ей, как и нам с Ольгой, хочется поскорее отправиться в путь. И вот уже за окном проносятся городские кварталы и всё чаще мелькают деревья и кусты, отмеченные красно-жёлтыми вкраплениями. Неожиданно возникнут хоровод веснушчатых берёз или ряд рябин брусничникового вида с ягодами. Сидя в электричке, без труда можно заглянуть на любой приусадебный участок. С высоты всё выглядит красочно, даже если увидишь невзрачные дома, убогие сараи или покосившиеся заборы.

Мы прибыли в посёлок Невская Дубровка. Тишина и в воздухе и на земле, неспешность одиноких прохожих, немногочисленность машин.

Тропа, ведущая к Неве, пролегла между разрушенных, заброшенных сараюшек и погребов. Яблоня-дичок сбросила свои мелкие и бледные плоды под ноги прохожим и те втоптали их в грязь. Пахнет не только прелыми яблоками, но и пожухлой травой, тянет сыростью. И хотя на небе светит солнце, ощущение, что мы попали в тёмный угол мрачного инобытия.

Стало грустно и захотелось подвести итоги своей жизни.

Но вскоре мы оказались на крутом берегу Невы, и сразу рассеялись в воздухе мысли о грустном. Дышится легко, небо безоблачно, воды могучи, волны сильны; то сухогруз пройдёт, то катер промчится. Жизнь продолжается!

Погуляв по берегу, вернулись в посёлок. Его панельные дома нашего внимания не привлекали. А вот частный сектор пестрил разнообразием архитектурных стилей домов и соответствующих им заборов: иные – неказистые, ветхие, деревянные; кое-где сетка-"рабица". За заборами выше человеческого роста иногда видны только крыши коттеджей и верхушки сосен. Хорошо ещё, что здесь сосны всё же значительно выше материального благополучия. В городе такого уже и не встретишь.

И вдруг мы увидели яблоню – над высоким красным забором на фоне голубого неба, её крона, щедро усыпанная красочными плодами, выглядела потрясающе. Ради этой яблони уже стоило приехать сюда. Прекрасным будет фото! Мне захотелось попросить у хозяев разрешения сделать ещё несколько снимков этой шикарной яблони. Но попутчица одёрнула меня, мол, нечего людей беспокоить. Я не стала настаивать, однако про себя отметила, что иногда мне всё-таки комфортней путешествовать одной. И вспомнилось, как однажды я ездила в Рождествено. Яблоко в ту пору было тьма, но – все за заборами, – недосыгаемы. А у меня вдруг появилось неодолимое желание сорвать с ветки яблоко, хрустко надкусить его, вкусить плода от древа познания, точно Ева в Эдемском саду. Тогда моё желание было без промедления исполнено, и я познала, что есть ещё на свете добрые люди. Завязался непринуждённый разговор с хозяевами дома, были и чай с пирогами, и пакет яблок с собой. То знакомство длилось несколько лет. Но тогда я была одна. А с другой стороны, известно же, что радость, разделённая с другим, возрастает вдвое!

11 ноября. Мы с Ольгой снова в дороге, в этот раз автобусом едем в Шлиссельбург. Утро тусклое, промозглое. Окна запотевают и почти невозможно разглядеть, что там, вдоль шоссе. Подруга, заметив, что сидящие на передних местах пассажиры спят, недовольно бурчит, мол, не ценят они возможность обозревать придорожный пейзаж. Ну, что поделаешь, у каждого свой интерес.

Шлиссельбург нам показался мрачным, неухоженным: особо удручающе выглядят дома довоенной постройки. На окраине посёлка на глаза нам попался участок дачный, весьма невзрачный; домишко летний, щелистый, ветхий. Оградой – сетка, ну и канава, что полным-полна водою, темнее ртути. В огороде – одинокая, корявая яблоня. Вкруг неё земля усыпана её плодами, многие из них схвачены прозрачным ледком, а некоторые ещё и припорошены снежком. Яблоки не потеряли своей яркой окраски, и кажется, что умерли они внезапно и во цвете дней. Понимаем: так суждено, непреложен закон природы, но всё ж озноб берёт от такой, бесспорно, живописной картины. Мы долго не могли отойти от этого ощущения. Но природа решила нас обогреть, день разгулялся. А когда мы возвращались в город, нам повезло: в автобусе сидели на первом ряду, наслаждаясь теплом и великолепным обзором.

Зима была долгой, то слякотной, то морозной. Иногда я рассматривала осенние снимки, и порой накатывала грусть и одновременно радость – ведь была она, красочная яблочная осень! Ах, написались бы стихи о том деньке! И стихи родились:

*Небо украшая
красками зари,
радость предвещая
светом изнутри,
над забором красным
яблочный салют!
Даже в день ненастный
разноцветно тут.*

*Яблочные детки,
что на верхних ветках,
явно занеслись.
Только жизнь есть жизнь —
яблоки высоко
до поры, до срока.*

Я сделала подарочную страницу с этими стихотворениями и с цветной фотографией, обозначила место вдохновения: "пос. Невская Дубровка". Я то и дело представляла себе, как по осени приеду к хозяевам яблони, как они удивятся и обрадуются, – их яблоня воспета в стихах! И, конечно же, они угостят меня яблоками с той самой яблони.

И вот снова осень. Солнечный денёк. Я еду в Невскую Дубровку. Одна. А на душе как-то беспокойно, будто что-то не так, будто еду напрасно. Без труда отыскала знакомый забор. Над ним по-прежнему яблони крона, но в ней – ни единого яблочка! Возле калитки проросла трава. Похоже, сюда дано никто не наведывался. От соседей узнала печальную весть: хозяйка-старушка зимой умерла, а её дети сюда не ездят.

Ну, как же так?! Мои мечтанья-ожиданья не сбылись. Какая жалость! Предавшись предвкушению встречи, что согревало меня в морозы, позабыла я народную мудрость: "Человек предполагает, а Бог располагает". Огорчённая и разочарованная я пошла к дому моей знакомой, живущей на другой улице. С ней мы не виделись давно, но моему появлению она не удивилась, как будто знала, что приду. Обрадовалась, угостила яблоками. Страницу с фото яблони и стихами я с удовольствием подарила ей. Отлегло, отпустило, – моё послание обрело прописку по месту вдохновения, в Невской Дубровке.

Видение

Сын родился на Николу вешнего, и окрестили его, естественно, Николаем. Мать радовалась: Никола – чудотворец в народе почитается защитником скорым, крепким; помощником в опасностях и затруднениях. А ей и её сыну помощник был необходим – сына пришлось растить одной. Отца Коля так и не видел, тот сбежал ещё до его рождения. Мать не сетовала, порой думая, что может и к лучшему это: сын не наберётся дурного от отца (тот пил и во хмелю поганый рот имел).

Да разве убережешь. Колька рос шебутным, вырос безответственным. Прыгал с места на место, кем только не работал: и проводником в поездах, и шофёром, и поваром... жениться не хотел. И хотя уже не раз становился отцом, но так им и не стал.

Мать переживала за "непутёвого", хотелось, чтобы всё было у него как у людей – семья, дети... Она часто ходила в церковь, подолгу молилась перед образом Николая-чудотворца.

И вроде помогло, остепенился сын. Женился. Уже несколько лет работает на стройке. Там и жену себе нашёл. Николаю с Валентиной дали комнату. Поначалу всё у них было хорошо. Мать приезжала в гости, радовалась. С ней они и в церковь ходили.

Но в последнее время у молодых пошли нелады меж собой. И матери хотелось думать – ведь, мать же! – на сноху; может она и праведница, но жизнь с ней не сахар и не мёд. Детей Бог не дал. И незаметно для себя Валя свой материнский инстинкт перенесла на мужа: детей надо воспитывать! И она "воспитывала" Николая регулярно и особо рьяно, когда он был выпивши. Только вот результат-то получился обратный: муж уже и на работу почти не ходил, стал деньги у жены потаскивать.

И почти каждый вечер Валя проводила в тревоге, поджидая теперь уже её "непутёвого": не подрался бы, не убили бы.

Чего она только не пробовала, что называется, и лаской и встряской... Она даже и сама чуть не пристрастилась к вину, покупая к ужину бутылочку, надеясь, что муж останется дома. Но, ни уговоры, ни скандалы, ни психбольница – ничего не помогло!

Мать переживала. Но чем она могла им помочь? Уповая на Бога, чаще стала ходить в церковь, и дома каждый вечер молилась перед иконой Николая-чудотворца, а молодым настойчивее наказывала не забывать о Спасителе, храм посещать. Но супругам было не до того, – их жизнь была наполнена борьбой друг с другом и "зелёным змием".

В тот осенний вечер Колька опять был пьян. Он всё приставал к жене – то в любви признавался, то на бутылку канючил. Валентина и не помнит, откуда взялся нож, которым она полоснула мужа по руке, но, увидев кровь, тут же остыла. Дала Кольке денег, и он ушёл. Наревевшись вдоволь и приняв какие-то успокаивающие таблетки, она уснула на диване.

Проснулась Валя от необычного света, бьющего в глаза. В недоумении она села. Протирая глаза, пыталась понять: откуда свет в углу, где и лампочки-то нет?! Огляделась – ночь, тишина; Колька спит на кровати не раздетый, в ботинках; а около серванта (в нём на полочку – иконки) во весь рост, в праздничном сияющем одеянии стоит... Никола-чудотворец!

Валентина опять и опять протирала глаза, щипала руку до боли, но Святой не исчезал. И вдруг она услышала из его уст: "Перестань заниматься рукоприкладством! Не тронь Николу, и всё у вас будет хорошо!"

Видение исчезло и в комнате стало темно. Валентина встала, включила свет, подошла к серванту, рукой потрогала стену около него – никого! "Надо же! Никто и не поверит, что мне видение было", – подумала она.

До утра Валя так и не уснула. Её удивлению не было конца: как же так – святой пришёл защищать этого пьяницу?! Видно, не зря говорят, что Богу милее один грешник, чем несколько праведников. Но тут её осенило: мать Коли постоянно молилась за сына;

знать, велика сила материнских сердечных молитв, если сам Никола-чудотворец явился на помощь! И горько ей стало при мысли, что за неё и помолиться-то некому. Значит, надеяться – кроме как на себя – не на кого!

Стой самой ночи Валентина, хоть и ругалась с Николаем, но рук не распускала и даже не пыталась. А если он убегал к своим друзьям, сидела и читала молитвы, чаще других, псалом 90: "во время бедствия и припадении..." и муж возвращался, цел и невредим.

А вскоре Николай сам захотел обратиться к наркологу. Когда же счастливая Валя с мужем вышла из диспансера, то Колька вдруг схватил её да так, что она сползла на грязный асфальт. И тут же, как будто опомнился: поднял жену, стал просить прощения, поцеловал, взял под руку, и они пошли дальше. Валентина даже испугаться, как следует, не успела и лишь подумала: "Это бес не хотел его отпускать!"

2004 г.

Накануне Крещения

"Кому живётся хорошо: коту да попу" – говорят в народе.

– Хорошо живётся попу...

Может быть, в городе, а в деревне каково мне да матушке? Уж 26 лет прошло, как меня определили на этот приход. Родом-то мы из Закарпатья, и не собирались здесь долго жить. Думали, отслужим года три и на родину уедем. С года на год ждали замену, а потом привыкли. Даже привезли себе кусочек родины – саженцы, прижились, они из окон видны.

Церкви здешней уже 300 лет. Через эту деревню из Питера в Сибирь бунтовщиков вели, и церковь назвали Никола-острог. Здесь осуждённым давали отдохнуть... Когда-то при этом храме два священника служили. И, как положено, были дьякон, пономарь, псаломщик. И большой хор певчих. Службы проходили торжественно, красиво. И народу было много, и требы – каждый день. В праздники около церкви – толпа от малых деток до стариков и старух. И куда всё девалось. Последние годы один я служу. Обслуги нет. Помогают матушка да ещё две женщины. Даже в алтарь приходится женщину пускать – ту, что постарше.

На моих глазах более тридцати деревень исчезло. Ещё все названия помню: Столбцы, Кизляки, Заречье, Перечи, Подлесново... А в тех, что остались, – народу-то? Вот и нынче молиться придут две-три старухи, а буржуйку топи. Не замерзать же им!

Ещё простудятся в церкви, – недобрым словом поминать будут меня. Хорошо хоть только тёплую половину протапливаем, – на дрова лишь и хватает дохода от службы за год. От епархии уже пятый год никаких денег не поступает. А церковь в уходе нуждается. Вот ремонт нужен, решётки на окна, опять же. В том году из летней половины 17 икон украли. Так могут и всё разграбить.

– Хорошо живётся попу...

Пока были люди в деревнях, – воспользовалась паузой матушка, – нам жилось легче. Хозяйством заниматься, и корову держать нужды не было. Люди приходили молиться и несли то молока, то сметаны... А сейчас не несут, да мы и не просим...

– А кому нести-то? – вступился батюшка. – Молодых мало, а иная старушка-прихожанка детям помогает. Приходится своими руками кормиться. Запасы мы делаем большие. Всегда народ в доме. Особенно на праздники. Не накупишься! Вот и вкалываешь на огороде, да на "ферме". Правда, картошку убирать соседи помогают. И на том спасибо! А корову, поросят, кур, гусей самому накормить надо. Накорми, да навоз убери, – вот и путаешься полный день.

– Да известно в деревне как: вода, дрова, навоз, – быстренько вставляет своё слово матушка. – Кузница, мельница – парится, варится. Квашонка бродит, хозяйка ходит...

– Летом спит часов пять, не боле, – продолжал батюшка. – Зимой полегче. Есть время и духовную литературу почитать, к проповеди подготовиться.

– Хорошо живётся попу...

Хочется на старости лет быть рядом с детьми. Ах, жили бы они поближе, а то – такая даль! – вздохнул он.

– Да, соглашается супруга, – на одну дорогу неделя уходит, и внуки без нас растут.

– А когда матушка к ним уезжает, – продолжал батюшка, – то и вовсе худо, всё хозяйство на мне. А здоровья Господь дал не через край. Вот желудок-то больной. А литургию служить надобно на голодный желудок. Если треб много, то часам к четырём только домой поспеешь. Тут бы к накрытому столу... А если матушки дома нет? Поесть толком некогда, скотина голодная... Да и состарили мы с матушкой за последние годы. Она-то помоложе, покрепче... А у меня уже три операции было. Да ещё вчера поскользнулся на ступеньке крыльца, бочина болит. Надо бы в больницу. Когда в районной больнице лежал, меня не

забывали. Многие приходили: и руководители, и простые люди. Доктора лечили новейшими лекарствами, но были недовольны, что так много навещающих меня. Боже, дай мне силы отслужить Крещение! Не оставь прихожан без праздника!

– Надо бы в городскую больницу. Хорошие врачи все в город перебрались, где побогаче, – встряла матушка. – Натёрла я ему бок мазью, завязала шерстяным платком. Помогло?

– Сама видишь – хожу! Сегодня воду для освящения из реки брали. Три молочных бидона на корыте еле доволокли с соседом до церкви. Заплатил я ему из казны. Он было отказывался, потом взял. А через час, уже выпивший, пришёл в долг просить. Так-то вот.

Сам и виноват я! Даёшь на хлеб, а он – на бутылку... Пока наставляешь, сидит, слушает, будто соглашается, а выйдет за порог...

– А мужик-то этот – рыбак, – добавляет матушка. – Давно обещал рыбы принести. На днях вижу, идёт от реки. Несёт налима и шурят, но не нам... Все завидуют! У нас и в доме и в церкви – везде чисто, красиво, всё в цветах.

– Всё должно блестеть в церкви! – наставительно проговорил батюшка. – Церковь – целебница души и тела. Не все верят. Однако, нынче по осени пришла старуха на костылях. От неё врачи уже отказались. Службу отстояла-отсидела. С молитвой руки к ногам Спасителя приложила, а потом ими свои колена погладила. И без костылей из церкви ушла. Чудны дела твои, Господи!

– Хорошо живётся попу...

Вот и сейчас устал я. После "фермы" боли усилились, а полежать не удалось. Сначала соседка пришла звонить по телефону, у неё мать в больнице. Ну, как я мог не поговорить с ней о её житье, о муже, о детях. А телефон-то в деревне только у нас. Вот и ходят и беспокоят без конца. Не успела соседка уйти, как привезли ребёнка крестить. Хорошо, что нынче дорогу трактором разгребли. На бензин с народа собирали. А в иную деревню и не доберёшься. По телефону сообщат, что тот-то умер, а отпевание заочно служу...

Я сидела, слушала, думала. Не всё так светло и празднично в жизни священника, как мне показалось прошлым летом, когда я заходила в этот дом на какую-то пару часов. Да и общалась-то, в основном, с матушкой.

Батюшка вышел за дровами. Через несколько минут вернулся, и не один. С ним была школьница лет восьми. Батюшка зазвал её попотчевать. Как раз было чем. Он предлагал ей пирог, колбасу, конфеты. Наливая чай, приговаривал: – Не торопись, не торопись... Хотя мне и некогда, но ты – гостя. Кушай не спеша. Ты помогала нам на огороде, а сегодня я могу тебя угостить.

Девочка с аппетитом, но всё медленнее доедала пирог. Сказав "спасибо", с конфетами в руке, она заторопилась уходить. Я вышла с ней на крылечко и спросила: – Добрый ваш батюшка?

– Добрый! – согласилась девочка, и довольная побежала домой, хвастаться.

2001 г.

О Турковых

Так уж случилось, что в силу множества различных причин, своего двоюродного брата Юрия и его жену Галину я не видела почти 30 лет.

Я знала, что они купили дом в Воронежской области недалеко от Новой Усмани, где уже лет десять живет их старшая дочь Люба со своей семьей.

Люба меня встретила и привезла к своим далеко немолодым родителям (им на двоих – 140).

Второй сезон Турковы живут в селе Рождественская Хава. Дом кирпичный, "под шубой" (под неровным толстым слоем штукатурки), на две семьи.

В доме все необходимое есть, даже "удобства". По осени село обещали газифицировать, трубы к дому подведены.

Двадцать соток земли раскопаны, на них посажены фруктовые деревья, картошка, лук.

В те три майских дня, что я гостила у родственников, погода стояла ненастная. В такую погоду на огороде делать нечего, и поэтому у нас было много времени для разговоров.

Мне нравилось сидеть возле печки и смотреть, как ее топят дровами и углем мой двоюродный брат.

А Юре с Галей очень хотелось рассказать мне все, что произошло у них за эти долгие годы. И они, перебивая друг друга, требовали от меня: "Слушай! Слушай!"

Галина, обрадовавшись возможности проговорить всю их совместную жизнь, вулканической лавой извергала свои эмоции радости и обид. А Юрий, в очередной раз безнадежно махнув рукой, мол, жена слова сказать не даёт, уходил полежать перед телевизором, дабы не пропустить начало их с Галей любимого сериала.

Совместная семейная жизнь Турковых началась в поселке Текун Костромской области. Юная санитарка медпункта лесхоза очаровала молодого тракториста. Любовь оказалась взаимной. Поженились. Обустроились. Родили двух дочек – Любу и Надю.

В 70-х годах переехали в центральную область Крыма. Им предоставили типовой дом с приусадебным участком. Обустроились, живность завели.

"Здесь-то можно жить! – говаривала мать Гали. – Климат теплый, фруктов много, и картошки-то два урожая в год!"

Но, что девочкам картошка и даже яблоки с грушами, – они всю жизнь с нежностью вспоминают родину детства, и леса, и грибы-ягоды. А еще они помнят, как я приезжала к ним в Текун, и Надя, которой тогда было лет пять, умоляла старшую сестру, чтобы та попросила у городской гостии "сухоного" печенья.

Галина тоже часто мысленно возвращается в Костромскую область:

– Ох, любила я по ягоды ходить. Любу к старушке-соседке отведу, и – в лес.

Однажды набрала черники больше всех! Бабы все допытывались: почему? А я им показала, как ягоды собирала – обеими руками "доила" черничные кусты. Сноровистая была.

В Крыму я в теплицах работала. Бывало, без удобрений и воды боролась за урожай в своих "пайках". Исхитрялась за день больше тонны огурцов или помидор снять, в фартуке из теплицы их вынести, и по ящикам рассортировать. Однажды всем тепличникам велели собирать только крупные огурцы, поскольку через три дня заказаны два самолета, что полетят с огурцами на борту в Тюмень. Я категорически отказалась выполнять указания начальства, говорю им: "Как собирала огурцы – так и буду их собирать. В Тюмени что – не люди? Им тоже хрустящих огурчиков хочется, а не вялых переростков!" Начальство под таким натиском отступилось от меня.

Время шло. Дочки выросли, получили среднее образование. Обе встретили своих суженных. Люба – моряка черноморского флота. У них два сына и дочка. Почти 20 лет

они прожили в Севастополе. Но разразились политические распри. Мужа с флота уволили, предложили ордер на квартиру в центральной России. Выбор был невелик, всего несколько поселков. Выбрали Новую Усмань. Поначалу тоскливо было переселенцам, но со временем вроде попривыкли. А сыновья до сих пор мечтают вернуться в Севастополь. Следом за дочерью подались из Крыма и родители. Купили дом в Воронежской области. Обжились, даже баню построили, но уж больно велик был приусадебный участок, около сорока соток – не справится им, здоровье не то. Четыре года прожили там, а теперь в Рождественской Хаве обживаются.

– Надеемся, уже в последний раз, – в один голос воскликнули они. – Помогают все: дочери и зятя, внуки и внучки. Спасибо им!

Младшая дочь Турковых, Надя вышла замуж за курсанта Военно-медицинской академии и по окончании учебы мужа жила с семьей на Дальнем востоке, в Ленинграде, а нынче обосновались они в Подмоскovie. У них две дочери.

Когда Юра с Галей переехали в Воронежскую область, бюрократической волокиты было – уйма! В частности, Гале пришлось потратить немало сил и умения, чтобы доказать чиновникам правильность назначения пенсии Юре. И доказала! Дело в том, что трактористы, работающие в Крыму, имели право уходить на пенсию в 55 лет, при стаже в 20 лет, поскольку условия труда были тяжелым. Они работали круглосуточно, по 12 часов, практически без выходных, – страда весь год, отпуск зимой.

Всякое бывало по жизни – и в поведении мужа не все устраивало жену, да и у жены характер не "сахар". Но, любовь долготерпима!

– Неужели ни разу развестись с Юрой не хотела? – любопытствовала я.

– Хотела. Еще по молодости, – призналась Галина. – Любе тогда года два было. Да случилось так, что я случайно чуть не сожгла деньги, накануне полученные и спрятанные от Юры под матрас. Бог спас! Деньги нашла, а мужу сказала, что они пропали – решила проверить его реакцию. Плакала, вспоминая как испугалась, когда денег не увидела на месте. А мой Юрик спокойно так и говорит, мол, чего расстраиваешься, какая беда, еще заработаю, выкрутимся как-нибудь, пока у соседки перезайми. Этим ответом он меня и удержал от опрометчивого шага. И вот уже почти 50 лет вместе! Я всем говорю что мой дед лучше всех! – добрый, деньгами ни разу не попрекнул, не ревнивый – гордился, что я мужчинам нравилась, и с чувством юмора он, и всегда защищает меня перед другими.

– Николаевна, ты где? Сериал сейчас начнется, – зовет жену Юра.

На диване рядышком друг с другом сидят двое – он и она, – комментируя фильм, переживая за судьбы его героев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.